

Витю Сергеева с десятилетнего возраста одолевали ночные кошмары. И к этому можно было бы привыкнуть, если бы сновидения не имели явно выраженный эротический характер. Регулярно снилась Сергееву одна и та же роковая женщина. Звали ее Миледи, та самая Миледи – плод воображения Александр Дюма-отца. Надо заметить, что на юного Сергеева произвел большое впечатление роман великого француза, а закрепил его просмотр известного телефильма с Маргаритой Тереховой в роли коварной красотки.

Сны Сергеева были сладкие, тягучие, иногда с увлажнениями под утро в районе трусов. Сны Сергееву нравились, но и пугали сильно. Продолжалось это долго, не один год. Сергеев уже давно прочитал все романы Дюма про мушкетеров, втихаря от родителей прочел «Яму» Куприна и рассказы Мопассана. Однако снилась ему не мопассановская Пышка и не купринская Манька Маленькая: по-прежнему являлась ему в сновидениях рыжеволосая обольстительница Миледи. Образ ее постепенно трансформировался: от Маргариты Тереховой в сторону зарубежных кинодив а-ля Софи Лорен. Сергеев в своем повторяющемся сне постоянно подвергался опасности, которая исходила со стороны Миледи. Опасность эта была особого рода, где риск, тревога были переплавлены в эротику. Так, Миледи во сне, как правило, была полуголая. В складках пышного платья она прятала кинжал. Кинжал олицетворял опасность. Голые ноги женщины олицетворяли то, чего у Сергеева еще никогда не было, но уже сильно волновало по ночам. Сам же Сергеев чаще всего представлял в сновидениях в образе д'Артаньяна. Во сне он носил широкополую шляпу с пером, а вместо шпаги в руке почему-то часто фигурировал школьный портфель. Миледи требовала от Сергеева-д'Артаньяна, чтобы он ее спасал. Спасение выглядело

так: взявшись за руки Сергеев и Миледи вместе убегали от каких-то темных личностей, которые выглядели периодически как милиционеры, а иногда – как гвардейцы кардинала. При бегстве Сергеев умело отбивался от преследователей школьным портфелем. Дальше были поцелуи и какая-то возня, связанная с освобождением Миледи от многочисленных юбок. Не обходилось во снах Сергеева и без клейма Миледи в виде лилии. Сергеев сам тщательно старался найти это клеймо на теле агента кардинала. Причем клеймо обнаружилось у Миледи не на плече, а всегда в самых разных интересных местах: на бедре, на груди. Много раз после поцелуев и борьбы в постели Миледи пыталась заколоть Сергеева острым кинжалом. Мотивации у рыжеволосой для этого не было никакой: Сергеев только что спас ее от незнакомых мужчин, угрожавшей ей расправой.

Витя не забывал и эпизод, случившийся с ним в раннем детстве: его угораздило вместе с родителями посмотреть иностранную экранизацию романа «Три мушкетера». В фильме Атос, граф де Ла Фер, утверждал, что Миледи была заклеена как воровка и проститутка. «Кто такая проститутка?» – в ту же минуту задал вопрос родителям младшеклассник Сергеев. После паузы родители ответили, что так называется женщина, которая курит и пьет. Теперь Сергеев был уверен, что, когда он вырастет, ему будут нравиться только те женщины, которые курят и пьют. Такие, как Миледи: преступные, запретные, волнующие.

Сергеев повзрослел. Сны с Миледи прекратились так же резко, как и начались. Он больше не перечитывал романов Дюма. На смену «Трем мушкетерам» пришла другая, более серьезная литература. И если во снах Миледи больше Сергеева не преследовала, то в реальной жизни он подспудно искал в своих избранницах черты роковой и вероломной француженки. Правда, до образа Миледи никто из его знакомых женщин явно недотягивал.

С Марго Сергеев познакомился в баре. Она пила вино и красиво курила тонкую сигарету. Белая блузка слегка открывала загорелое плечо. Рыжие волосы волной опускались на плечи. Знакомство с шатенкой было неизбежно. Роман с Марго развивался стремительно. «Это она, моя Миледи из снов. И это реальность, а не грезы», – думал Сергеев. Марго была очаровательна: молодая, порывистая, склонная к авантюрам и употреблению красного вина. Когда Марго брала Сергеева за руку, сердце в его груди начинало неритмично колотиться. О себе Марго рассказывала мало и обрывочно: отец умер рано, в 16 лет ушла от матери, живет от нее отдельно, учится в каком-то там техникуме и работает менеджером, обеспечивает себя сама. Загадочность Марго только усиливало влечение Сергеева. Через несколько дней знакомства Марго и Сергеев оказались в кровати шикарного гостиничного номера. Бурному сексу немного мешал алкоголь и неумное желание Марго извиваться в объятиях Сергеева. «Первый раз всегда скомканно проходит, об этом даже Ремарк писал», – анализировал Сергеев. Закурили в нарушение всех гостиничных правил прямо в постели одну на двоих сигарету. Марго захотела после поговорить на интимные темы: «Витя, у тебя есть какая-нибудь тайна, скелет в шкафу? Тайна, которой ты ни с кем не делился. Ни с кем ни с кем. Такая замечательная ночь требует говорить о сокровенном. Давай ты мне расскажешь свою тайну, я потом расскажу свою. И это дальше нас никуда не уйдет». Сергеев согласился, хотя какой-то особенной тайны у него не было, поэтому он рассказал Марго глупость, как он в детстве отливал спиртное из папиных буты-

лок с крепким алкоголем и разбавлял затем его кипячёной водой. Марго внимательно слушала. Потом молчали, обнявшись. «У меня тоже есть тайна – я убила человека некоторое время тому назад». В темноте голос Марго звучал глухо и ровно. По Сергееву побежали волной мурашки. Он заглянул в лицо рыжеволосой девушки. Лицо показалось незнакомым. «Наверное, она врет, но почему тогда не улыбается. Или она пьяна?» Рука Сергеева стала бессознательно ощупывать плечо Марго. Девушка приняла это движение за объятие и сильнее прильнула к Сергееву. «Наверное, около года назад (хотя я знаю точную дату и время, но говорить не буду), зимой, я возвращалась домой поздно вечером от подруги. Уже когда был близко дом, я услышала за собой шаги. Я ускорила шаг, а потом побежала. Я чувствовала, что кто-то очень быстро идет за мной. Я чувствовала чужое мужское дыхание. Вокруг никого, фонари не горят. Я сжала в кармане нож». – «Нож? Откуда у тебя в кармане нож?» – «Отец всегда мне говорил: “Ты девочка, но должна уметь себя защитить”. В десятилетнем возрасте втайне от матери он подарил мне нож с откидывающимся лезвием, с тех пор я всегда носила его с собой. Он придавал мне уверенности, я не боялась в отличие от подруг поздно возвращаться домой. Я знала, что я не жертва, я не боялась ничего. Папа умер. Я выросла, но нож был у меня всегда собой. Необходимости доставать его из кармана не было. До того случая. Он, этот мужчина, догнал меня почти у подъезда. Одной рукой схватил за горло, стал душить, другой пытался стянуть с меня куртку, но я уже высвободила руку с ножом и два раза ударила его в бок. Он ослабил хватку на моем горле и удивленно посмотрел на меня. И только здесь я увидела его лицо, бессмысленное лицо дегенерата. Оно было уродливое. Не лицо, а гримаса. Когда он опустил руки, я ударила его ножом в горло. Кровь брызнула на одежду. Он что-то такое сказал мне типа “сука”, но я уже бежала к подъезду. Взметнулась по ступенькам в свою квартиру, ворвалась домой и сразу же прильнула к окну, не включая свет. Окно выходило во двор и я увидела, что он лежит в снегу бесформенным мешком, куртка его задралась, закрыв лицо. Я просидела в оцепенении в темноте в квартире, наверное, несколько часов. Потом рискнула и снова подошла к окну: он по-прежнему лежал не двигаясь, его уже стало заметать снегом. И ты знаешь, я ведь подумала сначала, что надо вызвать скорую, просто сообщить, что по такому-то адресу лежит раненый человек, но я не стала так делать. Я не сделала этого. Я не сделала этого не из страха за себя. Я просто хотела, чтобы он сдох. Ведь он мог уже много раз это делать. Как со мной. С другими девушками. Нападать, насиловать, грабить. Он был преступник, может быть, маньяк, ведь их много разгуливает на свободе. Я хотела, чтобы он умер. Потом я вымыла от крови нож, бросила в стирку одежду. И легла спать. Спала я как убитая. Встала уже днем, была суббота. Я сразу все вспомнила, вспомнила, что это был не сон, кошмар был вчера наяву. И это случилось именно со мной. Я убила человека. Я снова подошла ко окну: во дворе никого не было. Тело исчезло. В последующие дни меня никто не побеспокоил. Не было никакой полиции, никаких вопросов ко мне, никаких подозрений. Потом я решила это все забыть, похоронить это внутри своей памяти. Я никому об этом не говорила, кроме тебя. Вот такая моя тайна». Марго наклонилась к Сергееву, заглянула ему в глаза, по-видимому, ища сочувствия. Сергееву стало холодно. Нутром он чувствовал: Марго рассказала ему правдивую историю. Остался один вопрос, который Сергеев хотел выяснить, он еще надеялся,

что все происходило не совсем так, как он услышал: «Почему ты решила, что нанесла ему смертельные раны? Ведь ты не видела больше тело. Он мог быть только ранен. Именно поэтому и не было опроса жителей и полицейского расследования». Марго снова закурила, огонь зажигалки освятил на миг ее почти безмятежное лицо. «Новости. Криминальные новости города. Я их смотрела на следующий день. Там был назван мой адрес, мой номер дома. И дата, когда они нашли труп. Там прозвучало слово “убийство”. Я действительно его убила». Марго затянулась, красиво выпустила дым и замолчала. Сергееву показалось, что она потянулась к одежде, чтобы достать нож. У Миледи всегда кинжал под рукой. Затем Сергеев уклонился от предложения Марго повторно заняться любовью. Марго сделала вид, что немного обиделась. Под предлогом того, что ему рано вставать на работу, Сергеев стал собираться, и вскоре они вместе покинули гостиничный номер. Перед расставанием Марго обняла Сергеева, прижалась рыжими локонами к его груди и прошептала: «Для меня это вопрос жизни и смерти, моя тайна должна остаться тайной». Сергеев пообещал.

Сергеев больше не встречался с Марго. Сама девушка, как и положено воспитанным барышням, не проявляла инициативы и не звонила первой. Возможно, она сожалела, что доверила Сергееву свою тайну.

На протяжении многих месяцев, возвращаясь поздно вечером домой с работы, Сергеев инстинктивно оборачивался и внимательно, смотрел, не идет ли кто-то вслед за ним. Замечал за собой Сергеев и такую деталь: любая встреченная на улице в темное время суток одинокая женская фигура вызывала у него мгновенный испуг. После расставания с Марго к Сергееву вернулись сны про Миледи, но теперь в совершенно в других комбинациях. Вот он, Сергеев, одиноко бежит по заснеженному темному двору, размахивая школьным портфелем. Он спотыкается и падает, больно ударяясь носом обо что-то твердое и холодное. Сергеев приподнимается и видит, что он упал на окровавленное тело мужчины. Сергеев пытается встать, ему хочется плакать и бежать домой, где так уютно и безопасно. Женская рука касается его плеча. Это Марго-Миледи. Она подносит палец к губам: «Тсс! Это все лишь труп гвардейца кардинала. И это наша тайна». Другой рукой Марго-Миледи что-то настойчиво ищет в кармане своей куртки. Ищет и находит.